

Светлана Алешина

Моя опасная леди

*Часть сборника
Моя опасная леди (сборник)*

TV журналистка

Светлана Алешина

Моя опасная леди

«Научная книга»

2002

Алешина С.

Моя опасная леди / С. Алешина — «Научная книга»,
2002 — (TV журналистка)

«... Наш чудный оператор, как оказалось, заснял всю сцену Колиного прыжка, да еще крупным планом, так как ждал эффектного зрелища. Мы стали внимательно просматривать тот отрезок записи, где Триумф пытался взять барьер. Камера Павлика была так удачно направлена, что мы видели скачущего наездника в профиль вместе с красавцем-скакуном. Коля взял разбег, пришпорил коня и направил его к барьеру. Когда передние ноги жеребца уже были за барьером, наездник как-то странно покачнулся и стал заваливаться вправо так, что земли Коля и Триумф уже касались порознь. Хорошо, что парень был опытным наездником, поэтому успел выпустить уздечку, иначе конь протащил бы его за собой, и он не отделался бы одним переломом. Все было прекрасно видно, вот только понять, почему вдруг Коля стал падать, мы не сумели...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Светлана Алешина

Моя опасная леди

Глава 1

До Нового года оставалось две недели, а я все еще не могла определиться с темой последней передачи уходящего года. Шеф многозначительно поглядывал на меня, грозно играл бровями с державной задумчивостью о судьбах непосредственно подчиненного ему народа. Я честно пыталась придать своему лицу выражение одухотворенного энтузиазма за секунду до озарения, надеясь на то, что сработает очередная теория, исповедуемая Лерой. Наша сероглазка в последнее время увлеклась совсем уж нетрадиционными методами оздоровления организма и прочла всем желающим краткую, но емкую лекцию о том, что все в человеке взаимосвязано, и поэтому если ты счастлив, то и лицо у тебя соответствующее, а если несчастлив, то нужно придать счастливое выражение лицу, чтобы душа почувствовала то же самое.

Мне, честно говоря, все это показалось полным бредом, но последние несколько дней светлые идеи шарахались от меня, как от прокаженной, и я готова была уцепиться за соломинку, поэтому и пыталась действовать по Лериной методике. Получалось не очень-то. Да еще Галина Сергеевна сегодня опаздывала как-то уж слишком...

– Ирина, я не очень задержалась? – вот наконец-то и она. Раскраснелась от мороза, слегка запыхалась и лучится энтузиазмом.

– Не очень, – кисло ответила я.

– Я нашла для новогодней передачи совершенно потрясающую идею! Лучшей темы просто не может быть!

– Выкладывайте, – потребовала я.

Галина Сергеевна победно улыбнулась, повесила в шкаф свою шубку, устранила в прическе только ей одной ведомый беспорядок, утвердилась за своим столом и произнесла с неподражаемым апломбом:

– Я только что была у нее.

Я устало потеряла виски. Галина Сергеевна, режиссер нашей передачи, человек, конечно, увлекающийся, но даже в своей увлеченности она выражалась всегда более-менее понятно. Видно, это я окончательно и бесповоротно утратила способность все схватывать на лету. Между тем Галина Сергеевна продолжала смотреть на меня, ожидая реакции на свое сообщение. Не придумав ничего умнее, я глубокомысленно спросила:

– И как она?

– Потрясающе! Когда Маша рассказала мне о ее способностях, я не поверила, но сегодня убедилась, что все правда. А какое лицо, Ира, если бы ты видела!

До меня постепенно начало доходить, что Галина Сергеевна случайно наткнулась на женщину, которую сочла достойной стать героиней нашей передачи «Женское счастье». Это не могло не радовать, но хотелось бы поконкретней выяснить, что, собственно, в этой героине есть такого-этакого, что привлекало бы зрителя.

– Галина Сергеевна, – вздохнула я, – давайте-ка все сначала и по порядку.

– Хорошо-хорошо, – скорчила режиссер недовольную мину. – Моя соседка Маша рассказала мне недавно об одной удивительной женщине. Я, как человек здравомыслящий, сначала отнеслась к Машиному рассказу с изрядной долей скепсиса, так как все мы уже успели до отрыжки объесться всяких там колдунов и экстрасенсов. Ты сама знаешь, что половина из них – обыкновенные жулики, обирающие легковерных граждан. Но Анна – это нечто совершенно

особенное! – Галина Сергеевна восторженно закатила глаза и продолжила: – Представляешь, Ирина, она мне по руке рассказала всю мою прошлую жизнь самым подробным образом!

Наш главный редактор с видом победительницы уставилась на меня. Я в очередной раз тяжело вздохнула:

– Галина Сергеевна, дорогая, вы же сами только что сказали, что люди объелись всем этим! И потом, почему вы вдруг поверили этой вашей Анне? Разве не могла та же ваша соседка заранее ей все рассказать о вас?

– Ну, не знаю, – неуверенно сбавила энтузиазм Галина Сергеевна. – Я, вообще-то, никогда не откровенничала с Машей – не тот, знаете ли, уровень. К тому же, Ирочка, это же самая что ни на есть новогодняя тема: колдовство, предсказания, гадания... А у Анны такое фактурное лицо!

– Не спорю, тема в самом деле новогодняя, – вынуждена была согласиться я. – Если отнестись к этому с юмором, то может получиться очень неплохо...

В моей голове уже начали возникать идеи сценарного плана, но Галина Сергеевна замахала на меня руками:

– Ни в коем случае! Анна предупреждала меня, что никогда никому ничего не делает, если не видит, что у человека действительно есть в этом необходимость. Она очень серьезная женщина.

– Но вам же она гадала по руке, – не сдавалась я.

– Ну и что? Анна объяснила мне, что рука – это нечто всегда присутствующее со мной, а точное будущее – вещь капризная и опасная.

– Хорошо, тогда что вы предлагаете?

– Ну, я представляю себе все строго в сочетании с названием нашей передачи. Каждая женщина хочет быть счастливой, поэтому всем будут интересны нетрадиционные методы достижения этого счастья...

– Постойте, – перебила я. – Вы что же, предлагаете рекламу?..

– Почему сразу рекламу? – возмутилась Галина Сергеевна, не дав мне договорить. – Анна многое делает совершенно бесплатно. Она расскажет о себе, о том, как начала заниматься своей практикой, даст несколько полезных советов, предостережет от неправильных шагов. Ирочка, ты только представь себе, какой будет реакция зрителей! Я продвигу просто море вопросов!

– Считайте, что вы меня почти убедили, – сдалась я. – Но мне все-таки хочется сначала самой взглянуть на эту кудесницу. Да и Павлик должен посмотреть...

– Что я должен посмотреть? – Наш оператор вошел в кабинет, вытряхивая из своей густой бородищи застрявшие там снежинки.

– Не что, а кого, – строго поправила его Галина Сергеевна.

– И кого я должен посмотреть? – послушно повторил Павлик.

– На кого я должен посмотреть, – филологическое образование не позволило мне смолчать.

– Дамы, может быть, вы закончите урок русского языка с одним отдельно взятым учеником? – Павлик рухнул в свое любимое кресло и страдальчески посмотрел на нас. – И объясните мне все популярно! Я только что с натуральных съемок, замерз зверски, а вы меня пытаться взялись...

– Нам с тобой нужно взглянуть на потенциальную героиню новогодней передачи, – милостиво просветила я оператора.

– А, понятно! – Павлик с хрустом потянулся, поудобнее устраиваясь в кресле. – Когда поедем?

Судя по его позе, можно было решить, что ленивого оператора больше всего устроил бы ответ «в следующем году», но на самом деле Павлик был одним из самых лучших операторов

нашей студии и всегда во время работы становился собранным и деятельным, словно перевоплощаясь.

– А где Лера? – спросил он. – Честно говоря, я очень рассчитывал получить чашку горячего чая.

– Будет тебе чай, – заверила я Павлика. – Лера должна появиться с минуты на минуту.

– Ну, минуту я еще могу выдержать, – тоном утомленного героя согласился он.

– Что это ты можешь выдержать? – Реплика принадлежала появившейся в дверях Лере.

Видно, сегодня день был такой, что все мои коллеги возникали с вопросом на устах.

– Это он так о тебе скучает, – просветила я ее.

– Да?! – удивленная девушка застыла с пуховиком в руках. – Вот никогда бы не поверила.

– Зря, – лицо Павлика приняло проникновенно-влюбленное выражение. – Никто, кроме тебя, не умеет готовить такой вкусный чай!

– А, ну так бы сразу и сказали, – перестала удивляться Лера. – Будет вам чай. А еще я нашла подходящую кандидатуру для новогодней передачи.

– И ты тоже? – Я изумилась, так как Лера редко выдвигала идеи, предпочитая быть исполнителем, причем, надо отдать ей должное, самым лучшим исполнителем под этим небом.

– Да, – гордо ответила она. – Это девушка-жокей. Я подумала, что раз наступает год Лошади, то будет... Ой, а вы уже кого-то нашли, что ли?

Наша помощница режиссера только в середине фразы сообразила, что мой вопрос подразумевает и что она не единственная, озаботившаяся успешными поисками героини.

– Галина Сергеевна почти успела меня убедить, что ее кандидатура – идеальна, – ответила я.

– А кто это? – Лера изо всех сил пыталась изобразить профессиональную заинтересованность, но было видно, что девочка расстроилась.

Чуткая Галина Сергеевна тоже это заметила и выдала превосходный по своей дипломатичности пассаж:

– Мне так казалось, пока ты не появилась, но теперь имеет смысл познакомиться с обеими кандидатурами. В конце концов, есть еще старый Новый год, Новый год по восточному календарю... В общем, Лерочка, твои усилия не пропадут в любом случае.

Дальше последовал час интенсивной работы, во время которой мои дамы выдали всю информацию о своих героинях и поделились с общественностью собственными идеями по поводу передачи.

Мне пока было сложно сделать выбор между Анной, разрекламированной Галиной Сергеевной, и Леной Серединой, чьи достоинства расписывала Лера.

– Так, – припечатала я ладони к столу. – Галина Сергеевна, звоните вашей Анне и договаривайтесь о встрече, чем быстрее, тем лучше. Ты, Лера, сделай то же самое со своей знакомой, и не забудьте скорректировать свои действия, чтобы не было временных накладок. Потом озаботимся машиной и вперед! Павлик, никуда не уходи, возможно, ехать придется в самое ближайшее время.

Оператор посмотрел на меня с таким видом, словно я сморозила несусветную чушь. А ведь верно! По своей воле Павлик ни за что не покинет это кресло, которое он считает самым удобным на телестудии и стремится в любой ситуации завладеть им единолично.

Телефонные переговоры завершились самым удачным образом. С Леной Серединой можно было пообщаться через час, а мистическая Анна готова была принять нас в любое время. Умчавшаяся Лера через пару минут возвратилась и сказала, что Костя готов ехать прямо сейчас и хоть на край света. Я ужасно обрадовалась этой новости, так как ожидала затруднений с транспортом: Новый год на носу, все мечутся как угорелые, машины нарасхват. Впрочем, Костя – это такой специальный полезный человек, который все сделает, лишь бы поступить вместе со своей машиной в безраздельное распоряжение именно нашей группы.

* * *

Пока мы ехали, снег прекратился, и выглянуло солнце.

Подъезжая к Тарасовскому ипподрому, я испытала настоящий шок, так как очень давно не была в этом районе. Ипподром претерпел серьезные изменения в лучшую сторону: фасад здания щеголял новой отделкой, ограда радовала глаз отсутствием прорех и свежей покраской. Павлик уже деловито расчехлял свою камеру, чтобы начать съемку. Цены ему нет!

– Да-да, Павлик, – заговорила Галина Сергеевна. – Поснимай немного, очень живописно! А я и не ожидала, что тут такие перемены.

Лера лучилась гордостью, как будто преобразование ипподрома было лично ее рук делом. Мы прошли к дверям административного здания, предъявили документы вахтерше, которая сразу расплылась в радушной улыбке, так как являлась большой поклонницей нашей передачи. Она даже извинилась за то, что сразу меня не узнала. Пройдя сквозным коридором, мы оказались внутри ипподрома. Я не уставала удивляться идеальному порядку – даже снег был тщательно вычищен со всей внутренней площади, а по тренировочному полю люди в форме выгуливали лошадей. Я невольно залюбовалась сильными грациозными животными. Павлик продолжал снимать, а Лера приветственно замахала рукой, привлекая внимание одной из наездниц, которая и оказалась Леной Серединой.

Лена грациозно подъехала к нам и, заметив снимающего Павлика, заставила лошадь поклониться. Вороная красавица послушно исполнила этот трюк с таким изяществом, что я захлопала в ладоши. Лена заулыбалась и спешила. Она оказалась очень миниатюрной, ее лицо в обрамлении выбившихся из-под жокейской шапочки золотисто-рыжих кудряшек было открытым и милым, а зеленые глаза лучились гордостью, когда она потрепала свою лошадь по шее.

– Умница, Карина, умница, – нежно сказала Лена, а потом поздоровалась с нами.

Мы все по очереди представились девушке, а Павлик даже галантно приложился к ее руке, чем вызвал недовольную гримасу Леры.

– Лена, как вы смотрите на то, чтобы стать героиней передачи «Женское счастье»? – спросила я.

– С удовольствием! – воскликнула она.

– Тогда расскажите нам о себе.

Оказалось, что Лена перебралась к нам из Киева, когда тамошний ипподром совсем захирел и практически превратился в очередной рынок. Там она только-только успела стать профессиональным жокеем, набрав необходимое количество побед в заездах, как обнаружила, что дальнейший рост ее карьеры стал почти невозможным. В Тарасов она переехала, так как у нее здесь жила тетя, всю жизнь работавшая ветеринаром при ипподроме. Она-то и сообщила племяннице, что наш местный ипподром переживает период взлета, нашлись частные лица, решившие осуществить солидные денежные вливания. Правда, то, что Лена увидела, было не настолько хорошо, как девушка себе представляла, но все-таки гораздо лучше, чем в Киеве.

Мне пока не хотелось заострять вопрос именно на этом, так как все спонсоры – люди крайне чувствительные, поэтому их нужно хвалить, а не ругать, поэтому я попросила Лену вернуться к рассказу о себе.

– Мне двадцать два года, лошадей я люблю с детства. Папа был кузнецом на Киевском ипподроме, и я все свое свободное время проводила рядом с лошадьми. Потом записалась в юношескую конно-спортивную секцию, а к окончанию школы уже твердо определилась с профессией и стала учеником жокея. Тренер у меня был замечательный, хотя и довольно жесткий. – Тут Лена улыбнулась своим воспоминаниям. – Мама всегда ругала меня, что я выбрала совершенно не женскую профессию, особенно когда я сломала ногу, не справившись с норо-

вистым жеребцом-трехлеткой и вылетев из седла. Она говорила, что лучше бы я стала ветеринаром, как ее сестра, и лечила этих упрямых зверюг, раз уж так к ним привязана. Но я очень упряма и своего все равно добилась.

– Лена, – спросила я, – а как карьерный рост в этой области сказывается на материальном уровне? Ведь если вы согласились стать героиней нашей передачи, то подобного вопроса от зрителей вам не избежать.

– Очень положительно сказывается, – снова улыбнулась девушка. – Мы получаем определенную зарплату за работу с лошадьми в подготовке их к соревнованиям и выявлении скаковых качеств, а в сезон еще и премию за результативные участия в бегах. Чем выше будет мой уровень как наездницы, тем больше шансов получить хорошую лошадь, попасть на престижные соревнования с хорошим призовым фондом, выехать на международный турнир...

– Понятно. А теперь не могли бы вы провести нас по ипподрому, показать, как здесь все устроено, и немного рассказать об этой вот красавице? – Я погладила переминавшуюся с ноги на ногу вороную кобылу.

– Про Карину я вам расскажу запросто. Ей четыре года, родители – Кася и Ринат, она принадлежит к русской рысистой породе, обладает прекрасными скаковыми качествами и одна из самых перспективных кобыл по резвости. У Карины замечательный характер, с ней очень легко поладить... Да вы сами видите! А вот насчет съемок вам придется договариваться с нашим директором, Виктором Дмитриевичем.

– Где его искать? – тут же сделала стойку Лера.

Я могла быть спокойна. Если директор на месте, то Лерочка его в два счета уговорит.

– Да, Лера, – подала голос Галина Сергеевна. – Выясни, нет ли у него каких-нибудь видеоматериалов с бегов, чтобы использовать в передаче. Особенно хорошо, если там будет участвовать Лена.

– Сделаем! – шутливо отдала честь Лера и умчалась в сторону административного здания. Пока она отсутствовала, Лена попросила у нас разрешения закончить занятия с Кариной, пообещав показать, на что способна ее лошадь. Павлик радостно закивал и отправился выбирать подходящие точки для съемок.

– Ира, – обратилась ко мне Галина Сергеевна. – Я уже готова признать, наша помощница права. Леночка просто прелесть что такое! Да и столько прекрасного материала можно наснимать, лошадки все такие милые, просто чудо!

– А как же ваша Анна? Вы же говорили, что у нее лицо очень фактурное? – изумилась я.

– Я от своих слов и не отказываюсь, – вздохнула Галина Сергеевна. – Но пока мы тут беседовали, я подумала, что все-таки выгоднее именно Лене сделать героиней новогодней передачи, потому что Анна хоть и интересная личность сама по себе, но такого живописного материала с ней не наснимаешь.

– А почему? Что-то я не совсем понимаю.

– Ну как же? С клиентами Анна работает строго тет-а-тет, сама понимаешь, что мало охотников выставить себя на всеобщее обозрение таким образом.

– Согласна, но ведь можно снять сотрудников нашей телестудии, ту же Светочку, например, – я отстаивала Анну с не меньшим и удивлявшим меня само упорством, чем протестовала в нашем кабинете против ее кандидатуры. – Я и сама не откажусь, мне скрывать нечего!

Что верно, то верно. Не было в моей жизни роковых тайн и страстей! Я верная жена горячо любимого мужа Володеньки и пользуюсь не менее горячей взаимностью, мы с ним просто идеальная пара. А мои мечты о передаче «Расследование с Ириной Лебедевой» пока остаются только мечтами.

– Можно, не спорю. Только мне кажется, что Анна на это не пойдет. Я же тебе говорила, как она серьезно относится к своей деятельности.

– Галина Сергеевна, давайте не будем спорить. Раз договорились о встрече, то съездим и на месте все решим, ладно?

– Ладно, – несколько вяло согласилась она.

Минут через десять Лера вернулась, победно опираясь на руку директора.

– Ирина Анатольевна, дорогая, здравствуйте! – радушно приветствовал меня директор. – Как вы могли подумать, что я вам откажу? Да меня супруга со свету тогда сживет, она же самая горячая поклонница вашей передачи! Можете всецело располагать всем, что вам потребуется.

Ну до чего все-таки приятно быть популярной и любимой народом! Мне от его слов даже теплее стало, хотя морозец был очень легким и я, в общем-то, и не мерзла вовсе.

К нам вернулись Лена и Павлик, который, будучи представлен директору, с ходу выдал идею, что было бы очень неплохо попросить остальных наездников проделать с лошадьми что-нибудь интересное для зрителей-неспециалистов. Виктор Дмитриевич не возражал, и наездники с удовольствием расстарались, заставляя своих скакунов идти в галоп, гарцевать иноходью, прыгать через препятствия.

Пока Павлик снимал, стараясь делать акцент на нашу героиню, которая была великолепна, я разговорилась с директором по поводу видеоматериалов с бегов. Оказалось, что таких немного, но они все-таки есть, и он берется мне их достать. Съемки велись в основном любительские, снимали родственники наездников и владельцы лошадей, поэтому я была крайне благодарна, что Виктор Дмитриевич взял на себя труд договориться со всеми этими людьми, чтобы пленки попали к нам на студию вовремя и монтажники успели выбрать и переписать нужные куски.

Внезапно мое внимание привлек испуганный крик. Я увидела, что все наездники тотчас прекратили свою демонстрацию для нашего оператора и спешат к человеку, лежащему с неестественно повернутой ногой за деревянным сооружением, служащим препятствием. Рядом поднимался на ноги конь, которого уже пытался взять за уздцы и успокоить один из спешившихся наездников.

И Галина Сергеевна, и я, и державшийся до этого в стороне Костя, и директор бросились выяснять, что случилось.

– Да вот Коля вывел Триумфа, хотел всем тут нос утереть, показать, как барьер брать надо, – стал отвечать на вопрос Виктора Дмитриевича мужчина в синей куртке с надписью «Тренер» на спине. – Ну и не справился...

– Разрезвились, мать вашу! – вспыхнул директор. – Кого я теперь вместо него в Москву пошлю на «Русскую зиму», а? Я тебя спрашиваю, Терентьич? Они-то все ладно, сопляки, что с них взять, а ты куда смотрел?

– Да ладно, Дмитрич, не кипятись, найдем замену, – попытался оправдаться тренер.

– Найдем, – ехидно передразнил его директор. – За врачом послали?

– Да, вон он уже бежит.

Подбежавший врач склонился над лежащим Колей и стал что-то у него спрашивать и ощупывать поврежденную ногу, потом резко приказал вызывать «Скорую».

– Что с ним? – спросил директор.

– Плохо, – сухо ответил доктор. – Кажется, перелом бедра.

Я смотрела на лицо несчастного парня и не могла отвести взгляда. Помимо страдания и боли, на нем отражалось какое-то удивление, словно он никак не хотел поверить, что это случилось именно с ним. Честно говоря, я была рада, что кошмарное происшествие обошлось без крови. Потом я ощутила на своих плечах чьи-то руки, которые мягко, но настойчиво пытались развернуть меня и увести с места происшествия.

– Пойдемте, Ирина Анатольевна, – услышала я голос Кости. – Вам не нужно тут находиться.

Я послушно дала себя увести в сторону, но все равно продолжала смотреть на деятельную суету вокруг пострадавшего Коли. Ведь это просто наказание какое-то! Словно злой рок преследует нашу съемочную группу, это ведь уже не первый случай, когда мы становимся свидетелями, мягко говоря, неприятных происшествий. Хорошо еще, что парень всего лишь ногу сломал, а не что похуже. Да и наша героиня не пострадала. Надеюсь, что жокеи не такие суеверные люди, как циркачи, и она не откажется от участия в передаче, а то я уже так настроилась...

В скором времени прибыла машина «Скорой помощи», Колю уложили на носилки и отправили в больницу. Постепенно к нам подтянулись остальные члены съемочной группы, у которых на лицах было написано то же, что и у меня: нас преследует злой рок. Следом подошли директор и Лена Середина.

Виктор Дмитриевич уже успокоился и постарался успокоить нас, клятвенно заверив, что тот факт, что Коле не меньше месяца придется пролежать в гипсе, нам в вину никак поставить нельзя.

– Ничего-ничего, – бодро вещал директор. – В следующий раз умнее будет. А ты, Леночка, поедешь вместо него в Москву. Терентьич уверяет, что лучше тебя там никто, кроме сверзившегося Кольки, выступить не сможет. – Спасибо, Виктор Дмитриевич, – поблагодарила Лена, однако ожидаемой радости на ее лице не было. Оно и понятно. Тяжело радоваться, когда твоя удача строится на чужом несчастье.

Мы еще немного поговорили о наших планах, Лена пообещала заехать к нам в студию на следующий день после обеда, чтобы обсудить нюансы передачи и заодно передать записи, обещанные директором. Но от энтузиазма, с которым началась встреча, практически ничего не осталось.

Возвращались мы к себе в далеко не радужном настроении, дружно решив взять тайм-аут перед визитом к Анне и заодно пообедать. Для этого по дороге заехали в кафе и командировали Леру за гамбургерами. Она возмущенно закатила глаза и открыла было рот, чтобы осчастливить нас очередной лекцией о вреде подобной пищи, но, увидев выражение наших лиц, сдержалась и промолчала. Вернувшись с полным пакетом аппетитно пахнущих гамбургеров, Лера сунула его Павлику с такой брезгливостью, словно в нем была не еда, а дохлые мыши.

– Нате, ешьте свою отраву замедленного действия.

– А нам торопиться некуда, – хохотнул Павлик, выудив из пакета булку с сосиской и впившись в нее зубами. – И вообще, Лерочка, пора бы знать, что смертность среди населения Земли стопроцентная, никому еще не удалось справиться с врожденной болезнью организма, называемой старостью.

– Зато я смогу надолго сохранить здоровье и ясный ум, а ты через пару лет начнешь загибаться от гастритов и прочих прелестей неправильного образа жизни! – запальчиво ответила Лера.

Полный рот не помешал жующему Павлику тут же придумать достойный ответ, так что остаток пути мы провели, слушая пикировку этих двух индивидуумов. Она благотворно сказывалась на наших нервах, поэтому никому не пришло в голову попросить ребят умолкнуть, как это было бы сделано в любом другом случае. Напротив, каждый, и я в том числе, щедро подливал масла в огонь этой вечной дискуссии. Так что, когда мы подъехали к телецентру, Лера успела раскалиться добела, основательно обидеться на Павлика, буркнуть ему: «Сам дурак», – и замолчать, надменно поджав губы.

Я почувствовала себя слегка виноватой перед ней, поэтому, войдя в наш кабинет, обратилась к Лере самым ласковым тоном, на который была способна:

– Лера, солнышко, будь так добра, сделай нам всем чаю, пожалуйста.

– И этому? – гневно сверкнула она глазами на уже успевшего устроиться в кресле Павлика.

– Готов просить прощения! – тут же принял вид искренне раскаявшегося оператор. – Виноват, дурак, исправлюсь.

– Все ты врешь, – буркнула девушка, доставая чашки. – Ты неисправим, так что курагой делиться не буду, и не надейся!

– Не буду, – покаянно вздохнул Павлик. – Буду умирать с голода, глядя, как вы все тут предаетесь чревоугодию.

– Что?! – возмутилась я. – Ты же по дороге уже съел два гамбургера, обжора несчастный!

– И это называется обжора? – он картинно всплеснул руками. – Две маленькие булки с совсем уж крошечными сосисками, это что, пир горой?

– Ну и заказывал бы больше, – пожалала я плечами. – Кто тебе не давал?

– А я не понял, что такой голодный, и еще надеялся, что вам присуще сострадание к ближнему.

– Вот что, страдалец, – не выдержала Галина Сергеевна. – Я все равно на диете, так что смело можешь взять один гамбургер из моей доли. Мне одного хватит.

– Галина Сергеевна! – радостно возопил Павлик, быстро сграбастав со стола еще одну булку. – Вы мой ангел-хранитель! Благодарное человечество в моем лице вас не забудет!

– Ладно тебе, – отмахнулась она. – Я, между прочим, о всех забочусь, потому что без четко функционирующего оператора наша группа перестанет быть настолько эффективной.

– Слышала, Лера? – победно посмотрел Павлик на девушку. – А ты меня не ценишь и курагой не делишься.

– Скажите пожалуйста! – передернула плечами Лера. – Тоже мне, ценнейший специалист всех времен и народов!

Я смотрела на своих коллег как на горячо любимых детей, которыми, кстати, обзавестись еще не успела, и умилялась. Ну до чего дружный и сплоченный коллектив!

– Вот что, орлы мои и орлицы, – покончив с трапезой, призвала я всех к вниманию. – Шутки шутками, но нам с вами еще и работать полагается. Поднимайтесь, собирайтесь – и по коням, поедем к Анне. Кстати, Галина Сергеевна, а как ее отчество? Лена-то молоденькая, можно и по имени, а к вашей протееже как обращаться прикажете?

– Так и обращайся, – пожалала она плечами. – Анна. Как я успела понять, она к светским условностям не тяготеет.

– Ну и ладно. Отправляемся, братцы. Надеюсь, больше нас сегодня никаких происшествий не ждет.

– Это верно, – поддержала меня Лера. – А то дважды за день – это как-то чересчур.

Глава 2

Анна жила на третьем этаже девятиэтажного дома в районе набережной, в однокомнатной квартире. Когда наша группа ввалилась в это не предназначенное для столь многочисленных сборищ помещение, то сразу стало тесно. Хозяйка встретила нас со сдержанной любезностью, а мне практически с первого взгляда стало понятно, чем она так очаровала нашу Галину Сергеевну.

Анна выглядела очень молодо, но ее серого цвета глаза выдавали, что, скорее всего, этой женщине уже основательно за тридцать. Красавицей в полном смысле этого слова Анну назвать было нельзя, если рассматривать черты лица по отдельности: губы слишком тонкие, нос длинноват, густые темные волосы собраны на затылке в пучок, а такую прическу многие сочли бы старомодной. Но в целом лицо женщины действительно потрясло и сразу запоминалось. Скорее всего, именно из-за глаз, которые, если их хозяйка смотрела прямо на собеседника, казалось, заглядывали прямо в душу, при этом вовсе не раздражая и не вызывая желания отвести взгляд. Это было очень ласковое и какое-то успокаивающее внимание, словно поглаживание теплой мягкой рукой.

Мы с трудом разделись, нагромодили свою одежду на вешалку в прихожей и прошли следом за Анной в комнату. Она предложила угостить нас кофе, чтобы сделать атмосферу беседы более непринужденной. Естественно, возражений не последовало ни у кого, кроме Леры, зато она вызвалась помочь хозяйке.

Пока обе удалились на кухню, мы с Павликом принялись рассматривать комнату с профессиональным интересом.

Честно говоря, жилище Анны вызвало у меня странные чувства: разочарование, смешанное с заинтересованностью. Квартира была обставлена с удивительной лаконичностью, ничего лишнего или нарочито украшательского я в ней не увидела.

– И это жилье колдуньи? – деликатным шепотом возмутился Павлик. – А где же всякий ведьминский антураж? Ни тебе засушенных змей, ни черепа, ни африканских масок... Даже завалищающего черного кота не наблюдается.

Действительно, подумала я, ничего такого нет, обстановка и отделка в бело-черно-серых тонах, дорогая, но не вычурная. Низкая софа, два кресла, стеклянный столик на колесиках, стена с окном целиком затянута портьерами, еще одна стена занята выполненным явно на заказ гибридом книжного стеллажа и мини-стенки, причем книги в большинстве; там же хороший телевизор и музыкальный центр. Какой-то японский стиль с уклоном в буддизм, право слово!

Нечто занимательное было только на противоположной от окна стене. Там помещалось огромное, от пола до потолка зеркало примерно метровой ширины, но без рамы и вделанное в стену заподлицо. А рядом висели ставшие в последнее время чрезвычайно модными восточные колокольчики. Впрочем, эта вещь явно не была купленной в дешевом магазинчике и имела довольно внушительный размер.

Я не смогла удержаться, встала со своего места, подошла к ветро – кажется, эта штука-вина именно так называется – и качнула подвешенную на нити в центре гладкую прямоугольную деревяшку с вырезанным на ней иероглифом. Уж очень мне хотелось послушать, как звучит этот колоколице. Звуки, разнесшиеся по комнате, оказались низкими, как и ожидалось, и приятно будоражащими. Я бы не отказалась завести у себя дома такую вещь. Она очень пригодилась бы утром, когда из сонной апатичности меня не могут извлечь даже звуки голоса обожаемого мной Пласидо Доминго.

С нагруженным подносом вернулась из кухни Анна, следом за ней семенила Лера с потрясенным видом. Я кинула на нее вопросительный взгляд, но она показала глазами, что расскажет потом, и стала помогать хозяйке расставлять чашки и прочие причиндалы для кофепития.

Я взяла в руки черную керамическую чашку, отпила глоток и блаженно улыбнулась. Нет, что ни говори, а кофе я люблю гораздо больше чая, даже того, который заваривает Лера. Особенно если этот кофе так хорош. Я уже собиралась спросить Анну, какой сорт она покупает и каким способом варит, но она меня опередила.

– Вижу, вам нравится кофе, – улыбнулась женщина. – А как вы оценили звучание ветро?
– Прекрасно, – честно ответила я.

Анна перевела взгляд на нашего оператора, который все еще не согнал с лица удивленно-разочарованного выражения, усмехнулась уголками губ и спросила:

– А вы, кажется, Павел? – Тот утвердительно кивнул. – Вас что-то не устраивает?

– Да нет, – смутился Павлик. – Просто я все это как-то не так себе представлял, да и вас, если честно, тоже.

Он оглядел с ног до головы непринужденно сидевшую в кресле женщину в узких черных джинсах и черной рубашке свободного покроя с расстегнутым воротом, из-за которого виднелась серебряная цепочка с медальоном. Форму его рассмотреть пока не представлялось возможным. Ну абсолютно ничего мистического в ее облике не было! Ни каких-нибудь затейливых колец или браслетов, вообще никаких украшений!

Я внимательней пригляделась к лицу Анны и сделала вывод, что если она и пользуется косметикой, то настолько умело, что без самого пристального всматривания заметить это было невозможно. Хотя, может быть, это ее природа так щедро наградила. Но Павлика я понимала, как никто: эффектных кадров тут не наснимаешь. Ясна мне стала и реакция Галины Сергеевны на ипподроме – Леночка с лошадами представлялась мне теперь гораздо выигрышнее Анны, несмотря на неординарную внешность последней. Но уж раз приехали, то будем общаться, как повелевает профессия тележурналистки.

– Анна, – попросила я, поставив на стол наполовину пустую чашку, – расскажите немного о себе.

– Пожалуйста, – легко согласилась она. – Мне сорок один год, я не замужем и не была никогда, детей нет. В свое время закончила механико-математический факультет Тарасовского университета...

– Постойте, – перебила ее Галина Сергеевна. – Как же вы могли с таким образованием вдруг увлечься э... столь нестандартным делом?

– Очень просто, – снова улыбнулась Анна. – Это ведь расхожее заблуждение, что математики – это прагматичные сухари. Знаете, есть такая достаточно известная фраза одного ученого, сказанная им об одном из своих учеников: «Он стал поэтом, так как ему не хватило воображения, чтобы быть математиком». К тому же все началось далеко не вдруг. Я с детства ощущала в себе некий дар, сущности которого до конца не понимала. А пристально изучить его меня подвигнула именно математика, вернее, теория вероятностей. Существуют определенные закономерности, которые вполне поддаются анализу...

Я слегка поморщилась, так как еще со школьных лет всякие заумные математические термины повергали меня в состояние скучающего отупения. Видимо, Анна это заметила.

– Впрочем, – продолжила она, – я не буду углубляться в такие подробности. Скажу только, что многие явления, огульно причисленные к мистическим, на самом деле совершенно естественны и вполне поддаются научному объяснению.

– Ну да, ну да, – встрял Павлик. – Биоэнергетика, экстрасенсорика... Слышали мы все это.

Я неодобрительно покосилась на него, но Анна ничуть не обиделась.

– Понимаю ваше пренебрежительное отношение к подобным вещам. В последнее время вокруг столько информации на эту тему, большая часть которой является заведомой чушью. И совсем непросто выловить крупинцы чего-либо по-настоящему ценного. К тому же все газеты пестрят объявлениями так называемых народных целителей, которые за пару сотен и часов

берутся излечить вас от любых недугов и перенаправить жизнь в самое благое русло. – Женщина презрительно усмехнулась. – Бессовестные шарлатаны, обирающие доверчивых простаков, или чернушники!

– А вы себя к таковым, разумеется, не причисляете? – не удержалась я от довольно ехидного вопроса.

– Нет, не причисляю и берусь вам легко доказать, почему. Во-первых, я не зарабатываю на помощи людям деньги.

– А почему? – слегка растерявшись, брякнула я.

– Потому что этого просто нельзя делать. Вспомните, слышал ли хоть кто-нибудь из вас, что реально существующие старушки, действительно помогающие людям, озаботились вывести у входа преysкурант на свои услуги? Они никогда не берут денег, только продукты или вещи, которые им предлагают от чистого сердца, и живут далеко не богато. А все потому, что эти бабушки прекрасно знают, что можно делать, а что нельзя.

Мы все несколько смущенно молчали, пока Анна обводила нас пристальным взглядом. Ведь в самом деле, о добрых бабульках все мы были наслышаны и знали, что дело обстоит именно так, как нам только что сказала Анна.

– Во-вторых, – продолжала она, – я никогда не стану вредить людям, даже если мне убедительно докажут, что они этого заслужили.

– То есть порчу, сглаз, проклятье вы насылать не станете? – уточнила я.

– Никогда. Более того, не стану делать и приворот, хотя прекрасно умею, так как приворот – зло гораздо худшее, чем все остальное.

– Разве? – Я снова удивилась, заодно подумав, как бы я стала себя вести, если бы мой Владимир вдруг увлекся какой-нибудь другой женщиной. Кто знает, может, мне этот самый приворот показался бы вполне приемлемым.

– Привнесенное извне вмешательство в чувственную сферу является самым грубым и жестоким насилием над человеком, – назидательно проговорила Анна. – Представьте себе, что одним прекрасным утром вы просыпаетесь с мыслями о каком-то другом человеке вместо горячо любимого мужа. Ваше существо мучительно раздваивается, вы ничего не можете понять, впадаете в депрессию, в семье начинаются скандалы, дело доходит до развода... Затем вы сходите с тем самым другим человеком, но ни покоя, ни счастья не обретаете, так как, кроме насильно навязанной тяги к нему, никаких других чувств не испытываете. Ему тоже не светит счастье, так как подобным обладанием может удовлетвориться только садист.

Я всегда отличалась богатым воображением, так что прочувствованная речь Анны произвела на меня очень сильное впечатление. К тому же и за кандидатом в «другого человека» далеко ходить было не надо. Вон он, под окном в машине сидит. Я внутренне содрогнулась, представив Костю, заказавшего на меня приворот, и расписанные Анной последствия всего этого мистического безобразия. От этих терзаний меня спасла Галина Сергеевна, которая воспользовалась паузой в словах Анны и задала мучивший ее вопрос:

– Извините, а на что вы живете, если не зарабатываете денег подобно, с позволения сказать, вашим менее щепетильным коллегам?

– Занимаюсь репетиторством с детьми и иногда по договору с лигагентством редактирую книги по магии, чтобы не печатали совсем уж никудышные вещи, к тому же способные принести вред.

Я опять страшно заинтересовалась этим и чуть было не задала очередной вопрос, но вовремя прикусила язык, понимая, что так можно болтать до бесконечности, а нам ведь надо работать. Для себя я все-таки решила, что имеет смысл составить сценарный план для передачи под старый Новый год, в чем и Анна примет участие. Все-таки она действительно серьезный человек и весьма, надо признать, интересный. Вот только проявления ее способностей я пока еще не видела.

– Анна, – обратилась я к ней, – как я понимаю, вы согласны принять участие в нашей передаче? – Она утвердительно кивнула, и я продолжила: – Тогда нам с вами имеет смысл выработать совместный подход, так как, честно признаюсь, я слегка растеряна. Чувствую, что может получиться нечто неординарное, но пока плохо представляю, с какого места начать танцевать. Вы согласны?

– Разумеется. Давайте определимся для начала со временем нашей следующей встречи, потому что сегодня мы уже не успеем все обсудить – ко мне через час должны прийти.

– Тогда не будем вас больше задерживать. Галина Сергеевна с вами свяжется и договорится. Только, – я слегка замялась, – передачу с вами мы будем делать уже в следующем году.

– Ничего страшного, – развеяла Анна мою неловкость. – Это даже лучше, так как от праздничной передачи люди будут ждать немного не того, что может получиться у нас с вами. Я облегченно вздохнула и уже собралась попрощаться, но тут заговорила Лера:

– Анна, а вы не могли бы мне погадать? Галина Сергеевна так восторженно о вас рассказывала, а мы ничего такого и не видели.

Павлик тоже энергично закивал головой, поддерживая Леру.

– Могу, но только по руке. Для других способов ни у кого из вас сейчас нет никакого повода. Давайте обе ваши ладони, – скомандовала Анна девушке. – И распрямите их как следует.

Лера решительно, словно прыгая с моста в холодную воду, протянула Анне свои ладошки. Несколько секунд та их внимательно разглядывала, перебегая взглядом с одной на другую, потом отпустила правую ладонь и сосредоточилась исключительно на левой, посмотрела на Лерины ногти, затем попросила Леру сжать кулачок и изучила сгиб ладони со стороны мизинца. Затем подняла голову и, улыбаясь, заговорила:

– Вы, Лерочка, просто обречены на счастье. Вам очень много дано от рождения, и богатства свои вы не расточаете, а приумножаете. Замуж вы выйдете по любви и только один раз, но не скоро, лет через пять-шесть, женой будете верной и преданной. Детей сможете родить двоих: сначала мальчика, потом девочку. У вас трезвый и ясный ум, вы обо всем на свете имеете свое мнение, и переубедить вас можно только железными аргументами. Однако вы излишне вспыльчивы, что пройдет с возрастом, так как вы поймете, что это вам мешает. Ваша карьера может двигаться в двух направлениях, и каждое из них приведет к успеху. Вы можете быть очень хорошим руководителем, однако вам будет мешать гипертрофированная ответственность и желание все проконтролировать лично. Ваше финансовое положение окончательно стабилизируется примерно к тридцати годам и будет неизменно высоким. В тридцать пять лет у вас возможен нервный срыв или сердечная болезнь, но вы с этим справитесь и проживете еще около тридцати лет без особых проблем. Счастье неразрывно связано со всеми аспектами вашей личности, что гарантирует гармоничную жизнь. Со временем у вас разовьется очень неплохая интуиция, которая будет оберегать вас от опрометчивых поступков в любой сфере вашей деятельности. Трагические случайности вам не грозят. Вот, пожалуй, и все. Еще что-то смотреть имеет смысл, только когда вам исполнится двадцать шесть лет, – закончила Анна.

Лера просто сияла и с видом явного превосходства посматривала на Павлика. Но меня все эти предсказания как-то не очень впечатлили. Довольно стандартный набор благостных банальностей, и только. Впрочем, Лера была так молода и беспроblemна, что глупо было ожидать чего-то другого. Однако Лерин взгляд задел Павлика за живое.

– А можно мне тоже? – попросил он и протянул Анне свои ладони.

Его руки она рассматривала несколько дольше. Потом сказала:

– Павел, вы уверены, что хотите выслушать все, что я скажу не наедине?

Оператор слегка заколебался, но все-таки кивнул.

– Ну ладно, – пожала плечами Анна. – Итак: от рождения вам была дана долгая и безопасная жизнь среднестатистического гражданина. Но вы не обладаете ярко выраженной

заданностью судьбы, поэтому сумели изменить предначертанное. Вы с детства хотели восторгов от окружающих вас людей и обожания женщин, но не старались особо прикладывать для этого собственные усилия. Хотелось всего сразу и даром. К сожалению, так не бывает. Поэтому теперь вас ценят, но только за талант, через год это положение может измениться, учтите. Да и жизнь вы свою укоротили изрядно, осталось еще не более двадцати пяти лет, причем последние десять будут осложнены болезнями. Далее, женщины. Их в вашей жизни будет достаточно много, но каждая будет ненадолго, семью вы вряд ли создадите. А шанс обзавестись ребенком вы уже упустили...

Павлик слушал и медленно наливался краской. Анна прервала свою речь, внимательно на него посмотрела и спросила: – Мне сказать, каким образом это произошло, или не стоит ворошить неприятное прошлое?

– Не стоит, – буркнул Павлик. – Лучше скажите, в моей жизни будет что-то хорошее?

– Вам не нравится? Так это все и есть плата за отсутствие личных усилий. Но вы не обратили внимания на то, что я сказала – ваша судьба лишена четкой заданности. Поэтому у вас есть еще около года, чтобы решить, хотите ли вы что-то изменить в ней и ли нет. Махнете на себя рукой – все будет именно так, как я сказала. Задумаетесь всерьез – сумеете многое поменять. А через год мы снова посмотрим изменения на вашей руке, если захотите.

Вот теперь впечатление у меня было очень сильным: чтобы наш Павлик так краснел и смущался, да такого я ни разу не видела! Что же он такого натворил по молодости и по глупости, а? Хоть я и не сплетница, но непременно постараюсь выяснить. Может, и мне попробовать погадать? Время у нас еще есть.

– Анна, а мне вы погадаете? – решила я.

– Вам? – Анна пристально посмотрела на меня, вернее, как бы вокруг и сквозь меня, так что мне стало слегка неуютно. – Ирина, давайте сделаем это в следующий раз.

– Но почему? – изумилась я отказу и даже почувствовала легкую обиду: другим ведь не отказывала.

– Сейчас мне будет очень сложно сосредоточиться. Вокруг вас словно темная пелена какая-то, – извиняющимся тоном проговорила она, продолжая всматриваться в меня все тем же плывущим взглядом.

– Ничего не понимаю, – растерянно пожала я плечами. – А руки-то тут при чем? Вы же на ладонь мою смотреть будете.

– Ни при чем... Но у вас вот-вот случится что-то очень неприятное... и оно связано с лошадью...

– А, – облегченно махнула рукой Галина Сергеевна. – Это уже случилось.

На вопросительный взгляд Анны Галина Сергеевна принялась рассказывать о происшествии на ипподроме, невольными свидетелями и в какой-то мере участниками которого мы сегодня стали.

– Просто Ирина у нас особа очень впечатлительная, вот до сих пор и думает об этом, – закончила она свой рассказ.

– Нет, – Анна с сомнением покачала головой, еще раз оглядев меня, и уверенно заключила: – Это еще не случилось с Ириной Анатольевной.

От этих слов меня передернуло, и мысли лихорадочно заметались в голове. Господи, неужели еще какая-нибудь пакость случится на ипподроме во время наших дополнительных съемок? Честное слово, я не выдержу этого кошмара, сколько же можно! То одну героиню разорвало у меня на глазах взрывом, то другую ограбили во время передачи... Что же это, неужели я в самом деле приношу людям несчастье? После таких мыслей гадать мне расхотелось. Одно дело подозревать себя в таком мерзком качестве, а другое – знать наверняка. Этак я заработаю себе невроз и решу уйти с телевидения и стать домохозяйкой-затворницей, на радость Володьке. Хотя, если разобраться, какая ему от этого будет радость?

Мы несколько торопливо и скомканно стали прощаться с Анной и через несколько минут уже рассаживались в машине. Когда мы уже отъезжали, я краем глаза заметила, как из припаркованного невдалеке джипа выбирается какой-то знакомый мужчина и направляется к тому же самому подъезду, из которого мы вышли минуту назад. Он скрылся так быстро, что я не успела толком его разглядеть. А впрочем, я была слишком погружена сейчас в свои мысли, чтобы интересоваться еще чем-то, кроме напрогноченного мне несчастья с лошадью, смысла которого я, хоть убейте, понять не могла.

Настроение у меня окончательно испортилось. Заметив это, Галина Сергеевна сердобольно предложила:

– Знаешь что, Ириша, а поезжай-ка ты домой. До конца рабочего дня осталось всего ничего, полтора часа, так что ничего страшного не случится. А мы с Лерой вместе посидим, подумаем. Может, чего умного и сочиним для сценарных планов.

– Спасибо, Галина Сергеевна, – тепло поблагодарила я ее.

Все-таки она самая лучшая женщина, прямо мама родная, честное слово! Что бы я без нее делала?

– Да-да, – поддержала Галину Сергеевну Лера. – Поезжайте домой, Ира. Ваш муж, наверное, уже дома. Проведете тихий семейный вечер или за покупками сходите, развеетесь... Костя, вы же отвезете Ирину Анатольевну?

А вот этого она могла бы и не говорить. Я, конечно, расстроена, но ведь не парализована! Могу прекрасно добраться домой и сама. Но Костя уже сворачивал в направлении моего дома. Хорошо, что он решил отвезти меня сейчас, а не после того, как доставит моих коллег на телецентр.

Володя действительно был дома и встретил меня в фартуке и с ножом наперевес – это он картошку чистил. Муж очень обрадовался моему внеплановому возвращению и даже не стал интересоваться причиной. Я отобрала у него оба атрибута кухонной повинности, уверяя, что нехитрая домашняя работа благотворно влияет на нервную систему утомленной телеведущей, и, поцеловав, отправила включать стереосистему. На радостях Володька даже не стал разыгрывать привычную и самому ему надоевшую пантомиму на тему «Как меня достала классика». Через несколько секунд квартиру наполнили бархатные переливы голоса Лучано Паваротти. А я принялась ошкуривать очередную картофелину, прикидывая, что бы с ней такое сделать – просто поджарить или соорудить картофельные оладьи? Я совсем недавно узнала их рецепт и еще не испытывала его на супруге, хотя мне золотистые хрустящие лепешечки очень понравились.

От незамысловатых кулинарных раздумий меня отвлек телефонный звонок.

– Володенька! – прокричала я. – Возьми трубку, у меня руки грязные!

– Хорошо, Ириша. Алло? Привет. Ирина, это тебя.

Супруг принес телефон на кухню и прижал трубку к моему правому уху.

– Слушаю, – недовольно откликнулась я, подумав, что звонят с работы. Наверное, шеф обнаружил мое отсутствие и девочкам не удалось отвести от меня его праведный гнев. Но я ошиблась, это была моя старинная приятельница Вероника – не слишком удачливая, но никогда не унывающая дамочка, работавшая сейчас продавцом в «Архипелаге».

– Ирка! – завопила она в трубку. – Привет, подруга! Слушай, мы только что получили партию микроволновок, точно таких, о которых ты мне все уши прожужжала! Бери своего благоверного и дуй сюда немедленно!

– Господи, Вероника, – растерялась я от такого напора. – Что, до выходного все микроволновки разберут, что ли? Ну так придержи для меня одну. Мне ведь еще денег надо будет раздобыть до полной суммы где-то.

– Не надо ничего раздобывать! – снова затараторила Вероника. – Шеф сегодня с дуба рухнул и разрешил каждому из нас приобрести для себя любой товар по закупочной цене,

понимаешь? Мне-то пока ничего не надо, а тебе удружу. Только нужно брать прямо сейчас, а то он у нас товарищ непредсказуемый, завтра не с той ноги встанет и от всего откажется: «Какая такая себестоимость? Знать ничего не знаю, ведать не ведаю, и вообще все покупки для работников на общих основаниях!» Так что беги немедленно!

– Вероничка! – спросила я с замирающим от счастья сердцем – скоро сбудется моя мечта, ля-ля-ля! – А закупочная цена – это сколько?

– Это всего-навсего пять двести, – пропела довольная собой подруга.

Я облегченно перевела дух. У меня было отложено пять с половиной тысяч, так что хватало и на печь, и на празднование этой эпохальной покупки.

– Жди, через двадцать минут будем!

Забыв о грязных руках, я повисла на шее мужа с воплями и подпрыгиваниями:

– Володенька, солнышко, быстро собирайся! Едем за микроволновкой!

Муж почему-то моей радости не оценил и, пытаясь удержать и телефонную трубку, и буйную меня, как-то смущенно спросил:

– Ирочка, к чему такая спешка?

Мне пришлось пересказать ему наш разговор с Вероникой. Рассказывая, я бестолково металась по кухне, не в силах сообразить от нахлынувшего нетерпения поскорее стать гордой обладательницей вожденной микроволновки, куда деть нож и что делать с недочищенной картошкой. Теперь у меня будет такая вещь, такая вещь!.. С автоматическими режимами, с программой для разных продуктов, с вращающимся подносом, с набором посуды, с грилем и конвекцией! Чего я только не наготовлю с ее помощью на Новый год!

– Ирочка, – муж отобрал у меня нож, положил его в мойку и усадил меня на табурет, – послушай меня...

– Что случилось? – виноватая интонация в голосе Володи была такова, что, несмотря на свою эйфорию, я тоже начала тревожиться.

– Помнишь, как в сентябре ты сокрушалась, что до Нового года вряд ли сумеешь скопить недостающие деньги, и боялась, что бытовая техника снова подорожает?

– Помню, – согласилась я, еще не понимая, к чему он клонит.

– Ну вот, а мне так хотелось тебя порадовать...

Ничего не понимаю... Он что, сумел раздобыть денег, чтобы сделать мне сюрприз? Я пристальнее вгляделась в лицо мужа, пытаюсь разглядеть зарождение хитрой улыбки, с которой он всегда преподносил мне подарки, для начала помучив и потомив меня как следует. Увы, отсутствовала даже тень этой самой улыбки, а глаза Володьки становились все более виноватыми.

– Так что случилось, Володенька? – ласково спросила я его.

От моих слов муж окончательно сник и отвел глаза.

– Прости, Ира, но денег на микроволновку у нас сейчас нет. Там всего тысяча двести, больше я собрать не успел. Мне трудно утаивать от тебя деньги, так что я зря надеялся...

Я совсем запуталась от этого непонятного признания.

– Володя, подожди. Если ты собрал тысячу двести, то вместе с отложенными там уже шесть семьсот, а на печь нужно всего пять двести, значит, у нас еще остаются деньги...

– Не вместе, а вместо, понимаешь? – выдавил муж. – То есть как это вместо? А где все остальное? – Я еще не успела ничего понять, но сердце уже заныло, прощаясь с, казалось, таким близким осуществлением мечты.

– Я проиграл эти деньги, – отчаянно бухнул муж.

– Что?! – не поверила я своим ушам. – Как это проиграл? Ты же никогда не был азартным человеком!

– Я же тебе говорю, что очень хотел тебя порадовать... Обратился к Белоусову за советом, а он предложил сходить с ним на ипподром, ну я и пошел... Сначала ставил по маленькой

и выигрывал, а потом Виталька сказал, что знает верную лошадь, уговорил меня поставить много, чтобы огрести убойный куш...

– И ты поставил и проиграл? – мертвым голосом спросила я.

– Да, – мой бедный муж был просто раздавлен и уничтожен.

– Именины сердца... – пробормотала я потерянно. – Вот вам лошадь, вот вам несчастье... Хорошо еще, что так легко отделались...

Володя смотрел на меня как на помешавшуюся, а я пыталась справиться с бурей нахлынувших чувств. В моей бедной душе мешалось удивление от столь быстро сбывшегося предсказания Анны, облегчение, что оно и в самом деле коснулось только меня, горькое разочарование от того, что реализация моей мечты снова откладывается на неопределенный срок, злость на мужа... Впрочем, последнее чувство я немедленно постаралась подавить. Бедный Володенька и так страшно переживал и мучился, зачем же мне еще его добивать?.. Мужа надо было срочно утешить и успокоить.

– Володенька. – Я встала и взяла лицо мужа в свои ладони, чтобы посмотреть ему в глаза. – Брось ты переживать из-за такой ерунды! Ты ведь хотел меня порадовать, правда? Ну и что, что не получилось? Да и бог с ней, с этой микроволновкой! Что я, без нее готовить не умею? Еще как умею! И сейчас я тебе это продемонстрирую! Приготовлю такое блюдо, что ты пальчики оближешь!

Муж, ни слова не говоря, крепко обнял меня, прижав к своей груди, и долго-долго не отпускал, а потом прошептал:

– Спасибо тебе, Ириша. Ты самая лучшая жена на свете. Но печка у тебя все-таки будет, я тебе обещаю...

Когда успокоившийся Володька с аппетитом хрустел горячими оладьями, щедро поливая их кетчупом, снова зазвонил телефон. Боже мой! Я совсем забыла о Веронике! Свинство какое...

– Ирка! Ну кто так делает? Обещала подъехать через двадцать минут, а уже час прошел, а тебя все нет!

– Вероника, ты прости, пожалуйста, но я на радостях совсем забыла, что у меня мама заняла деньги, – бездарно соврала я, чтобы не выдавать мужа. – Так что извини, но сейчас я печку купить не могу.

– Ну вот, – огорчилась подруга. – А может, ты сумеешь где-нибудь найти? Или мама скоро отдаст?

– Не знаю, но сегодня я точно уже не приеду.

– И не надо, – рассмеялась Вероника. – Шеф оставил распоряжение в бухгалтерии, что мы можем сделать свои покупки аж до старого Нового года, представляешь? Так что я придержу для тебя печку.

– Спасибо тебе, Вероничка, ты просто прелесть, – поблагодарила я ее, а сама уже снова на радость поднявшей голову дуре-надежде начала лихорадочно соображать, успею я за месяц собрать еще четыре тысячи или нет.

– Да не за что! Для чего же еще нужны подруги? А ты меня за это пригласишь на свою передачу, идет?

– Ну конечно! – окончательно развеселилась я, вешая трубку.

А в сущности, что такого страшного произошло? Ну проиграл Володька деньги, ну и что? Он ведь не со зла. Да и что такое деньги? Тьфу, да и только! Гораздо важнее, что он меня любит! А я его. Вот пойду сейчас на кухню и скажу ему об этом.

Глава 3

Я проснулась на следующее утро, чувствуя себя относительно бодрой и свежей. Для разнообразия меня сегодня разбудили звуки «Времен года» Вивальди. Володя уже встал, и из кухни доносился запах жарящейся яичницы. Нет, все-таки у меня самый лучший муж на свете, хоть и не умеет делать деньги. Но если разобраться, то это ведь и не самое главное качество в мужьях.

Я позволила себе еще пару минут понежиться в постели, строго в соответствии с очередной принесенной Лерой теорией, что каждое пробуждение – это стресс, поэтому просто необходимо полежать в расслабленном состоянии, чтобы ощутить радость бытия, потом бодренько вскочила, сделала несколько гимнастических упражнений и отправилась принимать душ. Даже чуть теплая водичка не испортила мне настроение.

– Доброе утро, Ириша, – приветствовал меня супруг, поймав на пороге ванной и расцеловав. Целуется он так замечательно, что потратить на это занятие несколько утренних минут я считаю самым правильным решением.

За завтраком мы с Володей поговорили о том о сем, деликатно не касаясь темы каких-либо покупок. Затем я взяла на себя обязанность по мытью посуды, коей было не так уж и много, а супруг отправился в университет к первой паре. Одевшись и несколько минут проведя у зеркала, чтобы навести окончательную красоту, я поспешила на работу, где меня поджидало маленькое чудо. Наш охранник впервые не потребовал у меня пропуск, а расплылся в широкой улыбке и поздоровался:

– Доброе утро, Ирина Анатольевна.

Видимо, я так и не смогла скрыть своего удивления, поэтому он счел своим долгом пояснить:

– Я со своей девушкой вашу передачу смотрел.

Вот так всегда! Нет мужикам никакого дела до женского счастья, хоть в жизни, хоть на телевидении. Только мой Володенька исключение из этого правила: и передачу смотрит регулярно, и обо мне заботится.

– Доброе утро, Ирина, – приветствовала меня Лера. – Как ваше настроение?

– Привет, Лера. А настроение мое очень даже ничего! Семейный вечер с мужем оказался весьма удачным способом психотерапии.

– А за покупками не ходили? – поинтересовалась она.

Господи, лучше бы не напоминала!

– Ох, Лера, ты оказалась пророчицей не хуже Анны, – ответила я, скривившись, как от зубной боли.

– Да? – удивилась Лера. – А в чем это выразилось?

– Лучше не спрашивай, – отмахнулась я.

– Как скажете, – пожала она плечами, но было видно, что обиделась.

– Ну ладно, – сдалась я, понимая, что и сама хочу поделиться сбывшимся предсказанием, а рассказать о нем никак не получится, чтобы не упомянуть о Володином проигрыше. – Только давайждемся Галину Сергеевну, чтобы дважды мне не повторять одно и то же.

– Ой, это же сколько ждать! – вздохнула Лера.

– Ничего-ничего, ты мне пока расскажешь, что вы вчера придумали.

– А ничего.

– То есть как? – опешила я.

– А вот так. Евгений Иванович нас встретил и напомнил, что новогодняя передача – это, конечно, правильно и очень даже нужно, но ведь есть еще и плановая, которая состоится не далее как в эту пятницу. Вот мы с Галиной Сергеевной и совершили трудовой подвиг, создав

сценарный план передачи о продавцах и подарках. У вас же есть знакомая, работающая в магазине? Я помню, мы с вами с ней как-то встречались, такая веселая женщина, по-моему, вполне подходит.

– Умницы вы мои, – умилилась я. – Вероника будет просто счастлива. Она вчера только меня просила пригласить ее на передачу, правда, не в качестве героини, но, думаю, она и с этим легко справится.

– Конечно, справится, – согласилась Лера. – Продавцы, они такие, справятся с чем угодно.

Я быстренько просмотрела сотворенный моими девочками план, осталась почти довольна. Потом осчастливила своим звонком Веронику и договорилась встретиться с ней в обеденный перерыв. Сомнений в том, что передача у нас получится удачной, у меня не было. Веронику любили в коллективе, она никогда не грубила покупателям и не боялась никаких вопросов, а снять на пятнадцать минут видового материала было для нашего Павлика делом и вовсе пустячным. Конечно, ничего шедевральное мы не сделаем, но качественную передачу можно гарантировать без особых хлопот.

– А вот и Галина Сергеевна! – приветствовала Лера нашего режиссера. – Мы вас уж заждались.

– А что, я так сильно опоздала? – обиженно поджала она губы.

– Да нет, просто Ирина не хочет ничего рассказывать без вас, – попыталась оправдаться Лера.

– Да? А о чем?

– О чем-то очень интересном, так что я уже вся извелась.

– Ты меня заинтриговала так, что дальше некуда. – Галина Сергеевна, поняла я, не преувеличивала, так как даже не посмотрелась в зеркало, а сразу прошла к своему столу и уставилась на меня. – Не томи, Ирина, рассказывай.

– Дело в том, мои дорогие дамы, что вчера предсказание Анны насчет меня сбылось целиком и полностью совокупно с Лериным советом сходить за покупками...

Когда я закончила в красках пересказывать события прошедшего вечера, в нашем кабинете на некоторое время воцарилось удивленное молчание. Первой пришла в себя Галина Сергеевна:

– А я ведь тебе говорила, что Анна совершенно необыкновенная женщина, но ты мне не верила! – с видом победительницы посмотрела она на меня.

– Не спорю, – согласилась я. – Наверное, все-таки решусь попросить ее еще раз погадать... Ладно, что было, то было, а нам с вами работать надо. Когда должна прийти Лена?

Оказалось, что Лена звонила вчера вечером из больницы, куда положили пострадавшего Колю, и сказала, что появится у нас несколько позже, чем договаривались, так как сегодня снова зайдет навестить парня. Что ж, дело богоугодное, а мы пока можем сообща подумать, как построить передачу с ней.

Два часа пролетели незаметно. За это время мы успели вчерне составить сценарный план новогодней передачи, попить чаю и утрясти с Евгением Ивановичем кое-какие формальности. Шеф остался нашей работой доволен, но не упустил возможности отечески пожуричь за то, что все, мол, из нас приходится вытрясать. Мы с Галиной Сергеевной дружно возмутились такими инсинуациями и, бия себя в грудь, принялись доказывать, какие мы работающие – ночей не спим, недоедаем, про семью забыли. Евгений Иванович слегка ошалел от нашего гомона и поспешил ретироваться в свой кабинет, туманно намекнув на возможность приличной новогодней премии. Этот намек придал нам дополнительные силы, и появившаяся наконец Лена застала нашу дружную команду в приподнятом настроении.

Как раз в это же самое время объявился и Павлик, так что я без промедления отправила его с Галиной Сергеевной просматривать принесенные Леной пленки, выбрать нужные места

и решать, что еще нужно доснять. Сама же стала обсуждать с Леной возможные нюансы плана. Лена внимательно меня слушала, но вчерашнего энтузиазма, однако, не проявляла. Мне это показалось несколько странным.

– Лена, вы передумали участвовать в нашей передаче? – спросила я девушку.

– Нет-нет, что вы! – воскликнула она. – Просто... просто...

– Вы близко к сердцу приняли то, что случилось с Колей? – догадалась я.

– Да, я была сегодня у него в больнице...

– Как он? – участливо поинтересовалась Лера.

– Ничего, перелом не такой уж тяжелый, без смещения, так что последствий травмы опасаться не приходится.

– Что же вы тогда так расстроены? – снова спросила я.

– Но ведь он не поедет на «Русскую зиму»...

– Жизнь на этом не кончается... – начала было я и вдруг осеклась. – Пойдите, Лена, вы что же, себя вините в том, что случилось с Колей?

– Нет, но...

– Так... – не выдержала я. – Лера, завари-ка нам чайку, Лене надо успокоиться...

Я продолжала что-то говорить, сумбурное и успокоительное, девушка кивала в ответ, но, похоже, пропускала мои слова мимо ушей. Лишь взяв в руки чашку с горячим чаем, вдруг решилась:

– Послушайте, Ирина Анатольевна, вы такая добрая, отзывчивая, к тому же журналистка! Вы сможете меня понять!

– Конечно, смогу, – автоматически согласилась я, еще не зная, что, собственно, я сумею понять.

– Ну так вот... Коля упал вчера не случайно, это все было подстроено, а ваша просьба оказалась как нельзя кстати!

– Ничего не понимаю, – растерялась я.

– Это же просто! – горячилась Лена. – Коля упасть никак не мог, он вообще с любыми лошадьми ладит, а уж с Триумфом так вообще как с родным! И барьер там был стандартный, его разве только полудохлая кляча не перепрыгнет! А Коля наездник от бога, он вообще самый лучший!

– Послушайте, Лена, успокойтесь и объясните толком, как могли подстроить Колино падение, если он такой хороший наездник, а Триумф – такой замечательный конь? Да и зачем кому-то выводить из строя лучшего наездника перед самой поездкой в Москву?

– Как подстроено – не знаю, я вчера и барьер проверила сразу украдкой. Триумф об него не спотыкался, это точно. Вот только сбрую проверить не успела, жеребца без меня расседлали, пока я с вами разговаривала. А Коля говорит, что Триумфа Егорка седлал, он ему как себе доверяет.

Я так увлеклась этой загадочной историей, что на время забыла о второй половине своего вопроса, на которую Лена не успела ответить. Как же в самом деле можно было подстроить это самое падение?

– Лена, а с этим самым Егоркой вы разговаривали? Может быть, он что-то заметил, когда расседлывал коня?

– Он его не расседлывал, он же младший брат Коли, так что все время рядом был. А теперь плачет, себя винит во всем...

– Странно... А ну-ка, Лера, сбегай к Павлику и выясни, успел он снять падение Коли или нет?

Лера меня поняла с полуслова и тут же умчалась. Через пару минут раздался звонок внутреннего телефона – Лера звала нас в монтажную, где окопались Павлик с Галиной Серге-

евной. Наш чудный оператор, как оказалось, заснял всю сцену Колиного прыжка, да еще крупным планом, так как ждал эффектного зрелища.

Мы стали внимательно просматривать тот отрезок записи, где Триумф пытался взять барьер. Камера Павлика была так удачно направлена, что мы видели скачущего наездника в профиль вместе с красавцем-скакуном. Коля взял разбег, пришпорил коня и направил его к барьеру. Когда передние ноги жеребца уже были за барьером, наездник как-то странно покачнулся и стал заваливаться вправо так, что земли Коля и Триумф уже касались порознь. Хорошо, что парень был опытным наездником, поэтому успел выпустить уздечку, иначе конь протащил бы его за собой, и он не отделался бы одним переломом. Все было прекрасно видно, вот только понять, почему вдруг Коля стал падать, мы не сумели.

– Павел, – попросила Лена, – а нельзя прокрутить помедленнее ту часть, где Коля заваливается на бок?

– Можно.

Мы стали смотреть снова, еще внимательней. Не знаю, как остальные, но я разглядела, что правая нога парня почему-то сама собой ни с того ни с сего перестала опираться на стремя. Именно поэтому он упал!

– Я же говорила! – тут же воскликнула Лена. – Коле кто-то испортил стремя!

– Как же его можно испортить? – изумилась Галина Сергеевна. – Оно же железное.

– Проще простого, – горестно взмахнула рукой Лена. – Стремя же не цельное, оно представляет собой металлическую дугу с отверстиями на концах, куда вставляется упор, переключатель для ноги, и расклепывается. Расклепать стремя, чтобы упор легко скользил в пазах, – дело двадцати минут в кузне. Уж я-то знаю, сама видела, когда отец сбрую чинил. Или можно подпилить упор, это тоже не слишком хитрое дело.

– Давайте-ка я сделаю укрупнение, – предложил Павлик.

Он повозился несколько секунд с пультом управления, и картинка на экране стала скачкообразно увеличиваться. В конце концов стало четко видно только Колину ступню в стремях. Павлик стал последовательно менять кадры по одному, и мы увидели, как привстающий во время прыжка парень переносит опору тела на стремя, слегка проскользнув ногой по упору. Упор свободно проворачивается в пазах и одним концом вылетает из своего гнезда, Коля теряет опору и падает...

– Кто же это мог сделать? – ошеломленно задалась вопросом Лера.

Я криво усмехнулась:

– Если бы Лена сама не настаивала на том, чтобы во всем этом разобраться, я могла бы подумать на нее.

– Почему? – удивленно захлопала ресницами Галина Сергеевна.

– А все просто, – пояснила вместо меня Лена. – Это ведь я была самым логичным кандидатом на поездку в Москву вместо Коли. Видимо, он так и решил...

– Кто, Коля? – теперь пришла моя очередь удивляться, но последняя реплика Лены окончательно сбита меня с толку.

– Нет, не Коля, – с непонятным выражением вздохнула девушка. – А Виктор Дмитриевич... Коля был прав...

Мы все потрясенно молчали, но я не выдержала первой, так как терпеть не могу, когда чего-то не понимаю.

– Лена, может быть, вы объясните нам все по порядку?

– Могу, – тоскливо согласилась она. – Только толку никакого все равно не будет... Ничего я не смогу доказать...

– А что надо доказывать? – не унималась я. – Говорите же, наконец, толком!

– Дело в том, что в Москве должны проходить не просто праздничные мероприятия, а еще и соревнования с большим призовым фондом. Зимние скачки вообще редкость, так что

внимание все это привлекло огромное. К тому же, естественно, там будет организован тотализатор. Мы с Колей вместе просматривали списки лошадей и наездников. Многих я знаю еще по Киеву, кого-то знает Коля с Самары – у него там старые связи. Так вот, у Коли и Триумфа имелись очень хорошие шансы на победу в Москве, а это, как вы понимаете, очень хороший карьерный шанс. Однако в последнее время Коля ходил какой-то сам не свой, а на все мои вопросы старался не отвечать, уходил в сторону. Только сегодня он мне признался, что Виктор Дмитриевич, прекрасно понимая, какие шансы у Триумфа с Колей, уговаривал его даже в тройку лидеров не попадать, представляете?

– А зачем? – тупо спросила я. – Ведь, как я понимаю, если жеребец из конюшни Тарасовского ипподрома придет первым, значит, слава и почет не только коню с наездником, но и директору, и ипподрому в целом. Наверное, и денежная премия хорошая...

– Для Коли или для меня – вполне. Десять тысяч рублей. А вот Виктор Дмитриевич решил иначе. Ведь тотализатор будет весь подстроен, чтобы определенные люди выиграли огромные деньги. Так что директор предлагал Коле пятьдесят тысяч за то, чтобы он не побеждал, думал его купить. А Коля честный, он хочет карьеру законным путем сделать, а не таким... Вот и отказался.

– Понятно, – протянула Галина Сергеевна. – Видимо, ваш Виктор Дмитриевич получит гораздо больше, чем предлагал Коле.

– Да уж конечно, – ядовито подтвердила Лена. – Он у нас бессребреником никогда не был, почти весь сезон сделал...

– Это ты о чем? – насторожилась я, от волнения обратившись к девушке на «ты».

– А то вы не знаете, что бега у нас практически никогда честно не проходят. Обыкновенный человек только чудом может угадать, как ставить, пусть он хоть сто раз разбирается в лошадях!

«Так-так-так, – про себя подумала я. – Это получается, что Володенька мой не просто проиграл, а его обули? Ну нет, этого я так не оставлю! Я их всех на чистую воду выведу». Во мне разбушевалось такое возмущение, что я, хоть и плохо представляла, кого именно собираюсь выводить на чистую воду, но идти решила до победного конца.

Мои коллеги о чем-то возбужденно спорили, а я уже пыталась лихорадочно выработать план действия по разоблачению продажного директора. В голове сформировалась совсем неплохая на первый взгляд идея.

– Лена, – поспешила я поделиться ею. – Раз ты едешь в Москву, то ваш Виктор Дмитриевич должен будет и к тебе подъехать на той же козе, что и к Коле. Давай мы тебя снабдим диктофоном, чтобы ты записала весь этот разговор, а? Вот и доказательство появится!

– А еще можно поискать того человека, который испортил Коле стремя, – вдохновенно предложила Галина Сергеевна. – И допросить его как следует, чтобы признался, кто его заставил это сделать!

– Ох, Галина Сергеевна, – закатила я глаза. – Этого человека еще найти надо. И потом, как вы его допрашивать собираетесь, с помощью горячего утюга? Это ведь незаконно.

– Вечно ты так, – обиделась она. – Есть же у человека совесть, может быть, он себе плохо представлял, что из его проделки получится, а теперь мучается, хочет покаяться...

– Плохо вы знаете нашего директора, – высказалась по этому поводу Лена. – Он половину наездников купил, а остальных припугнул, что без работы оставит, да еще такую характеристику выдаст, что никому вовек хорошей лошади не увидит иначе как в кино. Да и не он главный.

– А кто? – тут же заинтересовалась я.

– Не знаю. Но у Виктора Дмитриевича на такие дела денег просто не хватило бы. Он только все устраивает и получает свой процент.

– Ирина, – вдруг заговорила Лера, – все это очень интересно, но вы не забыли, что в два часа нас будет ждать Вероника? Ведь уже половина второго!

Боже мой, мы так увлеклись распутыванием ипподромных махинаций, что забыли о времени! А ведь нас ждала самая что ни на есть рутинная, но необходимая работа. Нам пока, к сожалению, деньги платят именно за нее, а не за частные расследования, будь они хоть трижды благородным делом.

И тут поднялась страшная суматоха. Павлик искал свою камеру, которую первый раз в жизни не помнил, где оставил; Лера умчалась за машиной; Галина Сергеевна искала запропавшийся сценарный план, обнаружившийся в конце концов под чайными чашками; я скороговоркой договаривалась с Леной, чтобы она мне перезвонила вечером домой... Одним словом, дым стоял коромыслом.

Без десяти два мы все-таки влезли наконец в машину, запыхавшиеся, какие-то всклокоченные, и стали дружно погонять Костю, чтобы ехал быстрее. Он один, как всегда, оставался спокойным, словно скала среди бушующего моря, так что именно благодаря тому, что он игнорировал наши понукания, мы прибыли к магазину, в котором располагался отдел Вероники, практически вовремя, опоздав только на две минуты.

За час обеденного перерыва в магазине мы успели провернуть массу дел: обговорили все нюансы с Вероникой, наметили список вопросов, отсортировали те, над которыми ей стоит подумать, и те, на которые ей отвечать не захочется, отсняли обеденные посиделки в бытовке, отыграли сцену Вероникиного прихода на работу и оформления ею витрины. Лера умудрилась отловить и организовать цивилизованную толпу покупателей, которую Павлик потом заснял у Вероникиного прилавка. А Галина Сергеевна проконсультировала мою подругу на предмет подходящего для передачи наряда и макияжа.

На телестудию мы вернулись совершенно выжатые, но довольные собой донельзя. Это ведь надо суметь за два с половиной часа практически полностью подготовить передачу! Павлик рухнул в кресло и заявил, что сейчас умрет, если ему не окажут срочную гуманитарную помощь в размере телеги еды. Ну или хотя бы чашки чаю и горсти орехов. Сердобольная Лера не вынесла его стонов и быстро организовала всем нам, а не только Павлику, чай с травками и тарелку с пирожными из нашего буфета.

– Ну что, Ирина, – спросила меня Галина Сергеевна, дожевав пирожное и промокнув губы платочком, – как поработали, а?

– Хорошо, слов нет, – согласилась я, устало вытянув ноги. – А ты, Павлик, что скажешь?

– Скажу, что завтра надо будет с утра еще раз поехать к этому магазину и переснять то место, когда Вероника как бы приходит на работу.

– Это еще почему? – возмутилась я.

– Потому что освещение было совсем не утреннее, а вечернее. По мне, и так хорошо, но вы же не хотите, чтобы какая-нибудь вьедливая клязница настрочила на вас донос о том, что вся ваша передача – сплошная инсценировка? Вам же не нужен такой скандал, как с «Большой стиркой»?

Я была вынуждена согласиться, что скандал нам нужен в такой же степени, что и эскимосам холодильник, а значит, завтра ни свет ни заря поедем переснимать. Павлик огорчился не меньше меня, так как для него любая внеплановая деятельность являлась нарушением прав человека вообще и его личных в особенности..

Домой я добралась вовремя, правда, уставшая настолько, что никаких кулинарных подвигов совершать не стала, а удовольствовалась вместе с Володькой тем, что ему удалось смастерить из имеющихся в наличии продуктов, то есть пельменями фирмы «Марья-искусница». Не знаю, как насчет настоящей, сказочной Марьи, а эта искусница свои изделия явно штампует левой ногой, такие они получаются несимпатичные и безвкусные. Хотя, залитые смесью кетчупа и майонеза, да еще на голодный желудок, проглотились за милую душу.

От медитативного безделья с чашкой кофе в руках меня оторвал звонок Лены. Девочка горела желанием пообщаться лично. Ехать мне куда не хотелось, так что я пригласила ее к себе. Лена согласилась и добралась в рекордно короткий срок. У меня даже закралось подозрение, что она воспользовалась своей очаровательной улыбкой, чтобы ангажировать какого-нибудь не слишком меркантильного частника. Ну да это все лирика и к делу отношения не имеет. И вообще, что это на меня нашло? Кто я такая, чтобы запрещать хорошенькой девушке улыбаться в личных целях? Сама ведь сплошь и рядом использую собственную популярность, а туда же, морализаторствовать затеялась!

Проведя минутный сеанс самокритики, пока Лена расшнуровывала ботинки и пристраивала на вешалку свою куртку, я провела ее в комнату, усадила в кресло, вручила чашку с кофе и потребовала:

– Рассказывай.

Возвращаться снова к обращению на «вы» я не видела смысла, так как Лена все-таки была гораздо моложе меня, да и не обиделась на эту вольность в прошлый раз. К тому же «ты» способствует установлению большей задушевности в беседе.

– Я когда от вас сегодня уехала, то вернулась на ипподром и зашла в конюшню к Триумфу, мне ведь с ним в Москву ехать. Так что ни у кого это подозрений вызвать не должно. Я хотела проверить сбрую и знаете что обнаружила?

– Что?

– Все правое стремя заменено, так что улик не осталось. Кто-то успел об этом позаботиться.

– Не огорчайся, у нас ведь осталась пленка, а это тоже улика, видеозапись теперь даже милиция признает в этом качестве. Так что твой Коля смело может писать заявление.

– Он не станет, – прервала меня Лена.

– Почему?

– Он и меня уговаривал больше не копаться в этом деле, так как боится за меня. Коля... он мой жених.

– Так это же здорово! – Я не совсем уместно обрадовалась этому факту, потому что подумала о нашей передаче. Коля был очень симпатичным парнем и довольно киногеничным, так что вместе с Леной он будет прекрасно смотреться на экране. – Надеюсь, к нашей передаче его уже выпустят из больницы и он сможет появиться в студии рядом с тобой или среди публики.

– Конечно, сможет, – улыбнулась девушка. – Он очень рад за меня. А еще посоветовал забыть об этом происшествии и думать только о передаче.

– Да почему? – снова вернулась я к волновавшей нас обеих теме.

– Потому что боится, что Виктор Дмитриевич не оставит меня в покое, и лучше сделать все, как он скажет...

– Это что же получается, – возмутилась я, – твой Коля сдался?

– Он бы никогда не сдался! – горячо запротестовала Лена. – Он за меня боится!

– А что тебе может угрожать? Смотри: ты берешь у нас диктофон, носишь его все время с собой и включаешь всякий раз, как только ваш директор затевает с тобой разговор наедине, для виду на все соглашаешься и получаешь запись-улику!

– Коля считает, что у нас с вами ничего не получится, – покачала головой Лена. – Он думает, что Виктор Дмитриевич не станет мне ничего предлагать, а просто прикажет не высываться на первые места.

– Ну и что? – недоумевала я. – Все равно не вижу никакой опасности, а улика появится.

– Нет, не появится. Виктор Дмитриевич не дурак, он открытым текстом говорить не будет, только намекнет. А опасается Коля того, что директор, если я откажусь подчиниться, уволит нас обоих или, еще хуже, свалит на меня вину за Колину травму. Я уверена, что он под-

страховался и припрятал расклепанное стремя. А вы сами заметили, что мотив у меня вроде как имелся.

– Глупости! – решительно отрезала я. – Никто в это не поверит... Чтобы невеста устроила своему жениху такое?!

– Так ведь никто не знал, что мы собираемся пожениться. Коля очень сплетен не любит, а у нас не коллектив, а сплошной гадюшник!

Я потихоньку начинала думать, что это мне одной так повезло с коллективом, и уже хотела высказать все, что у меня в душе накипело по этому поводу, но тут в комнату вошел Володя.

– Добрый вечер, – поздоровался он с Леной и хотел уже идти дальше, чтобы не мешать, так как я предупредила его, что буду общаться с героиней новогодней передачи, но вдруг остановился и замер. – Девушка, а я вас помню! Это ведь вы были на бегах в сентябре на такой красивой черной лошади? – Лена утвердительно кивнула, и Володя продолжил: – Я тогда на вас поставил и выиграл, ваша лошадь пришла первой, вот только не помню, как же ее зовут...

– Карина, – улыбнулась наездница. – А меня Лена.

– А это мой муж, Владимир, – поспешила вмешаться я. Нечего Володьке с таким восторгом пялиться на девчонку, когда рядом сидит законная жена. А когда жены нет рядом – тем более! – Кстати, дорогой, а расскажи-ка нам, как ты умудрился проиграть?

Володя сразу понурился, так что мне стало даже немного стыдно.

– Да я же тебе рассказывал уже. Сначала ставил по маленькой, выигрывал, а потом Виталька сообщил, что знает верную лошадь, нужно поставить много, тогда и выигрыш будет хороший, ну, я и поставил много и проиграл...

– А на кого вы ставили? – поинтересовалась Лена. – Не помните?

– Еще как помню, – сокрушенно вздохнул муж. – Я этого коня никогда не забуду, коричневенький такой... Веером его звали.

– Как же, как же, – Лена слегка поморщилась, так как мой супруг, видимо, как-то неправильно говорил, с ее точки зрения. – Веер прекрасный арабский жеребец-трехлетка, его родители – Вена и Ермак – замечательные животные. Я бы на вашем месте тоже на него поставила, если бы не знала, что у нас творится.

– А что у вас творится? – Володя обрадовался, что его пытать больше не будут.

– А то и творится, что половина заездов разыгрываются как по нотам, вместо нормального состязания. А вы много проиграли?

– Много, – снова сник муж. – Пять тысяч.

– Это вы так много на Веера поставили? – удивилась Лена.

– Да нет, не на него одного, только я забыл, как это называется...

Постепенно, общими усилиями мы вытянули из Володьки, как он ставил, что сумел столько проиграть. Лена очень помогла мне разобраться во всех этих премудростях, так как я сама совершенно не разбиралась в бегах и даже на ипподроме побывала первый раз только вчера.

Оказалось, что можно делать ординарную ставку, то есть выбирать какую-то одну лошадь из заезда, и она должна прийти первой. Можно ставить на двух лошадей, чтобы угадать, кто из них придет первой, а кто второй, и это называется последовательность. В этом случае выигрыш уже больше. И самая интересная ставка, на которой Володька и проигрался, – это триплет. Нужно угадать лошадей, пришедших первыми в любых трех последовательных заездах... Так вот, Веер как раз и испортил моему мужу этот замечательный триплет, придя чуть ли не последним.

– Помню я этот заезд, я тогда второй пришла, хотя должна была быть не более чем четвертой. Моя Карина уступает и Вееру, и Триумфу, и Ганимеду, и Карте.

– Постой, Лена, – попросила я. – Насколько я помню, Триумф – это жеребец твоего Коли, так почему же он не пришел первым? Тебе уступил из вежливости?

– Ну что вы, – покраснела Лена. – В том заезде у Триумфа был другой наездник, Леня Ракушкин, а он прочно сидит у нашего директора в кулаке. Это для соревнований подбирают лошадь и наездника с максимальным соответствием друг другу, а на бегах как директор и тренеры конюшен распорядятся, так и будет.

Мы немного помолчали, а потом Володька высказался:

– Я так понимаю, Лена, что мой проигрыш – это вовсе не личная неудача, а подстроенный результат, да? Выходит, я зря на Витальку злился, что он мне неправильного коня посоветовал?

– Так все и есть, – грустно подтвердила девушка. – Как нас с Колей до сих пор не уволили – не понимаю... Ну ладно – Коля, он один из самых лучших наездников, только Казмину уступает, а я-то... так... – И она махнула рукой.

– Ну, нечего тебе самоуничжаться! – я погладила Лену по руке. – Ведь тебя в Москву вместо Коли посылают, а не этого Казмина!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.